

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 15 (3671)

Суббота, 2 февраля 1957 г.

Цена 40 коп.

ХАН ЮН ХО

Товарищу Муну

Облик свой изменил Пхеньян,
Мирным светом залит Пхеньян,
Пхеньян не узнаю —
Изменился Пхеньян,
От напалмовых ран,
Слова радости рвется с губ —
Вьет дым из фабричных труб...
Слова радости рвется с губ,
Там, где тропики-выюны
К бедным фанзам вели,
Масштабные улицы там пролегли,
Где народ задыхался в пыли,
Там сады расцвели,
Как еще никогда не цвели,
Словно в сказке, встает дома,
Древний город по-новому юн...
Я об этом узнал из письма
От товарища Муну,
Я письмо прижму к груди:
Слышу — город гудит гудит,
Вилку старых друзей гудит,
Ощущаю покочка руку,
Слышу родины голос:
— Иди,
Ты в Москве, а Москва — это друг.
«...А вернешься домой, —
Старый дом не найти,
Изменился в Пхеньяне
Дороги-пути:
Где проулоч бежал, —
Нынче здание там,
Где теснились дома, —
Нынче площадь видна...
Заструещи ты по старым местам:
Детство,
Юность
оставлены там.

Фото А. Лапина

Итоги всенародного труда

Особенно памятные и впечатляющие приметы нового в только что опубликованном Сообщении. В этом документе отражены результаты героического труда миллионов советских людей, осуществляющих решения XX съезда КПСС. В каждой строке Сообщения мы видим реальное воплощение идей, замыслов Коммунистической партии, провозглашенных с трибуны съезда. Над радуем и то, что в Сообщении речь идет об успешном выполнении плана первого года шестой пятилетки, что мы начали шестую пятилетку в хорошем ритме, в хорошем темпе.

Еще не считывая даже в опубликованные цифры, каждый из нас вспомнит о тех замечательных переменах к лучшему в жизни советских людей, которые произошли в 1956 году. И в самом деле, как много сделано за год на благо советского человека! Ряд важных государственных мероприятий свидетельствует о глубокой и вдумчивой заботе партии и правительства о тружениках города и села. Восторженный учет нужд населения нашей страны и средств, которыми располагает государство для их удовлетворения, дал возможность пересмотреть пенсионный закон, а также увеличить продолжительность отпуска по беременности и родам, отменить плату за обучение в средних и высших учебных заведениях, сократить рабочий день для подростков, повысить заработную плату низкооплачиваемым рабочим и служащим и осуществить ряд других мер, направленных на повышение благосостояния народа. И вот из Сообщения мы узнаем, что в истекшем году население Советского Союза получило всех выплат и льгот на сумму около 169 миллиардов рублей, или на 15 миллиардов рублей больше, чем в 1955 году. Эти гигантские суммы сами по себе говорят о масштабах того, что уже сделано.

Разумеется, все это и многое другое можно было осуществить только при условии создания мощной материальной базы. В 1956 году введено в действие более 800 крупных государственных промышленных предприятий. Валовая продукция промышленности СССР выросла почти на 11 процентов. Освоено 8,9 миллиона гектаров новых посевных площадей, увеличена поголовье крупного рогатого скота на 3,3 миллиона голов, в колхозах производство молока по сравнению с предыдущим хозяйственным годом увеличилось на 32 процента. Общий объем розничного товарооборота увеличился на 45 миллиардов рублей. Таковы темпы развития нашего социалистического хозяйства.

Продолжим, как набираются эти темпы

в одной из передовых отраслей промышленности. Нефтяники дали в минувшем году 83,8 миллиона тонн нефти. О чем расскажет эта цифра, если сравнить ее с добычей нефти прошлых лет? А вот о чем она расскажет. В первом году четвертой пятилетки, например, добыча нефти поднялась по сравнению с предыдущим годом на 2,3 миллиона тонн, а в первом году шестой пятилетки — на 13 миллионов тонн больше, чем в 1955 году. Сравним эти цифры и увидим, какие огромные изменения произошли на наших нефтероспелеях. Год от году нарастает добыча черного золота, год от году все более мощным потоком фонтанируют новые и новые скважины, пробуриваемые в самых различных районах страны, где осваивается «черная нефть». Замечательна победа, добытая героическим трудом разведчиков и покорителей недр — геологов, буровиков, конструкторов новейших механизмов, мастеров по добыче нефти. Мировой славы пользуется советский трубооборудование, развивающий не только в СССР, но и за рубежом бурение. Этот великолепный механизм, как и многие другие новинки нашей техники, принят на вооружение славы героическим трудом разведчиков и покорителей недр — геологов, буровиков, конструкторов новейших механизмов, мастеров по добыче нефти. Мировой славы пользуется советский трубооборудование, развивающий не только в СССР, но и за рубежом бурение.

В минувшем году многое сделано и для дальнейшего развития социалистической культуры. Около 50 миллионов человек училось в нашей стране. Два миллиона студентов обучались в высших учебных заведениях и почти столько же — в техникумах и других средних специальных учебных заведениях. Значительная часть студентов — заочники, что свидетельствует об огромной тяге к знаниям людей труда. Из Сообщения мы узнаем также, что в СССР имеется сейчас свыше 400 тысяч библиотек, а количество книг, которыми располагают эти библиотеки, достигло почти полутора миллиардов экземпляров. Книжный фонд продолжает пополняться. Тираж книг, изданных в прошлом году, превысил миллиард экземпляров. Увеличился также тираж газет, журналов и других периодических изданий. Даже несколько этих цифр дает достаточно наглядное представление о культурной жизни наших людей.

Вместе с тем нельзя пройти мимо тех строк Сообщения, которые не радуют, а огорчают. Центральное статистическое управление отмечает, что наряду с первыми успехами в выполнении годового плана в целом по промышленности имели место серьезные недостатки в развитии ее отдельных отраслей.

Успех определяют дальнейшее развитие электрификации производства, комплексной механизации и автоматизации, внедрения высокопроизводительного оборудования и передовой технологии. За год машиностроители, ученые и конструкторы разработали и изготовили более тысячи новых типов машин, внедрили около полутора тысяч автоматических, поточных и конвейерных линий. В любой отрасли промышленности можно привести множество цифр и фактов, которые говорят о крупных успехах индустрии.

А что произошло в минувшем году на полях нашей страны? Это был поистине год богатого, щедрого урожая. Валовой сбор (амбарный урожай) зерна в 1956 году увеличился по сравнению с 1955 годом примерно на 20 процентов и был намного выше когда-либо собранного в амбарах урожая за всю историю страны. И советские люди с гордостью сознают, что для получения такого великолепного урожая огромное значение имело освоение целинных и залежных земель в районах Сибири, Урала и Казахской ССР.

Для дальнейшего улучшения руководства народным хозяйством имеют большое значение решения декабрьского Пленума ЦК КПСС. Текущее планирование народного хозяйства отныне должно стать более оперативным и четким. Это обязано обеспечить Госкомхозом СССР, перед которой поставлена задача совместно с другими хозяйственными органами добиться наиболее рационального использования производственных фондов, трудовых, сырьевых и денежных ресурсов, широко внедрять в производство достижения передовой науки и техники, ценный опыт новаторов, предложения рационализаторов и изобретателей. В этих условиях социалистическая экономика будет развиваться еще более высокими темпами.

В статистике наши успехи измеряются процентами выполнения плана. Но для нас слово «процент» не только некое математическое понятие, ибо в этом слове нам слышатся и биение сердца, и напряженность воли, и веления разума советского человека. Для нас это не только экономика, но и поэзия нашей жизни, романтика наших дней, устремленных в светлое грядущее. Уверенно и с вдохновенным вершанием своих творческих дел советские люди во втором году шестой пятилетки.

В статистике наши успехи измеряются процентами выполнения плана. Но для нас слово «процент» не только некое математическое понятие, ибо в этом слове нам слышатся и биение сердца, и напряженность воли, и веления разума советского человека. Для нас это не только экономика, но и поэзия нашей жизни, романтика наших дней, устремленных в светлое грядущее. Уверенно и с вдохновенным вершанием своих творческих дел советские люди во втором году шестой пятилетки.

Деренка ДЕМИРЧЯН

Будем всегда вместе

Ну, конечно, что и говорить, будущее принадлежит молодежи. Это она в свое время станет «спокойствием настоящего», а затем и «старшим поколением». Не забудем, что мы находимся в каждодневном, ежедневном процессе создания истории. Будем осторожны, чтобы нам не опанеть или чтобы нам не двинулись механически, подобно камню, попятому в течение. Будем жить, творить с сознанием того, что мы создаем историю, а следовательно, и сами всегда обновляемся. Сохранять старое, такое, что нам нужно, и всегда принимать все то новое, что является тоже необходимым, диктуемому новой жизнью, — вот что предписывается нам.

Я думаю, что нет особой необходимости делить писателей на две категории: на «старших» и «молодых». Давайте будем себя называть так только потому, что действительно и физически, и исторически мы такими являемся. Но будем вместе создавать литературу, вместе, так же, как мы живем.

Будем понимать старших, понаблюдаем, посмотрим, как и почему они «так» работают, где они научились «так» писать, что хорошо в них, а что устарело, что длительно живет и что останется от них, старших, как осталось от классиков. Давайте проследим, поучимся, но заострим наш слух, прислушаемся и в голосу будущего. Здесь слух молодых острее, они лучше слышат голос будущего.

Давайте и мы, старшие, иногда послушаем молодых, будем жить подобно им, иначе говоря, будем ближе к ним.

Нам нужно всегда быть вместе. Это было бы очень полезно в первую очередь для нас, старших: мы слишком много обриваемся назад, а во-вторых, для молодых, смотрящих только в будущее. Это хорошо, необходимо — смотреть в будущее. Но и в прошлом есть вещи, которые хорошо было бы не забыть взять с собой. Горючо пожелаю бы, чтоб молодые писатели были подготовлены к тому, чтобы занять места старших и превзойти их, так как кривая будущего должна подняться вверх. Иначе какой может быть прогресс? Я уверен, что то, чего не сумели создать великие гении прошлого, сделает молодое поколение в будущем.

Ищите себя!

Наше молодое поколение приобрело хороший опыт в различных отраслях жизни. Чему же тогда учить его, вернее, какой совет дать ему? Посоветуем проложить накаливать этот опыт. А если он писатель или если, изучая этот опыт, становится писателем, — тогда посоветуем ему, пройдя через горнило этого опыта, найти свой литературный путь и приобрести мастерство.

По разне советы классиков и старших о том, как писать, не полезны и не необходимы для молодого писателя? Не свернула ли я с пути? Не перегнула ли палку? Тяжелое обвинение! Считаю нужным сказать, что внимание молодого писателя нельзя направлять в сторону изучения классики. Деятельность и опыт писателей прошлого являются важной школой, мимо которой, конечно, нельзя пройти. Но, позволюсь, начнем «не проходить». Что посоветовать молодому писателю брать из прошлого? Материал? Содержание? Возможно. А идеи? Не можешь. Образы? Языково-стилистические приемы? Не сумеешь. А что бы означало, если бы и смог и если бы разрешилось «брать»? Такой совет тогда означал бы просто совет повториться. Лакка была бы писателем цена? Ведь лучше всего из них уже предшествует оригинал. Повторять классиков и старших, хотя бы это были свои товарищи, — это значит не творить, а вести паразитический образ жизни, ну, а это уж нигде не годится.

Остается одно: создавать свое, жить самостоятельным трудом. Остается искать и находить. Но кого? Что? Я бы сказал: прежде всего — себя.

МЫСЛИ О ЛИТЕРАТУРЕ

В армянском литературном журнале «Советская гранулоза» была напечатана большая статья Деренки Демирчяна «К молодым писателям». Деренка Демирчян — один из виднейших советских прозаиков — прожил большую, интересную жизнь. Человек огромной культуры, разнообразных знаний, он широко делился с товарищами по перу своими мыслями, своим опытом.

Мы печатаем выдержки из этой статьи.

Форма

Я, кажется, начал читать правоучения? Не пелют в Пхеньяне пути, Прямые в Пхеньяне пути, Только старенький дом. Не найди, Хотел и знал ты Пхеньян...
Мун, товарищ. Когда я вернусь, Пусть от перрона, Где были поля лиш, Тануется улицы, белые здания, И дорога застроена будет домами... Я узнаю Пхеньян, товарищ, Мы его защищали сами, Своими руками, Пусть же окна сверкают светом, Пусть из окна слышатся песни, Мы в боях мечтали об этом... Пусть заплутают а, Путь интересней. Путь, узнаю я новое, Камею площадь, проулоч каждый, Так в Москве а кольцо Садовое Излучил однажды. Строй же выше и краше, товарищ! Строй светлее, просторней, товарищ! Строй удобней и проше, товарищ!

Это не годится, так как тогда я, безусловно, начну ошибаться. Все, что я говорил до сих пор, может быть, нужно только мне? Не знаю.

Вот, например, «техника описания». Употреблять только одни часы в одном из четырех карманов жилета, но не четверо часов в четырех карманах, даже если все они будут весьма чудесно украшены драгоценными камнями.

Самое трагическое место и самый простой язык — это и есть самое внушительное. Не объяснять уже признанное, само собой понятное, проверенное, всеми усвоенное, не учить, заставляя учиться. Больше запечатывать, дать почувствовать, чем объяснять. Образ — вот средство. Но контроль мысли со стороны автора должен быть всегда.

Не пренебрегать изучением форм (лучшие формы — в архитектуре, живописи, драматургии, музыке, а значит, и в литературе). Форму не превращать в самоцель, иначе станешь формалистом. Но изучение форм — это не формализм. В конце концов в природе все имеет форму.

Свобода творчества. Дело не в том, о чем мы имеем право писать и о чем не имеем. Честный писатель сам лучше поймет, что писать. Например, хорошо, что мы не имеем права писать порнографические, изменнические, безразличные произведения, то есть антинародные, антиэстетические, чуждые, античеловеческие вещи. Хорошо, что нам запрещается защищать буржуазные порядки, милитаризм, враждебность к другим народам.

Нам предлагают писать так художественно, как писала классика. А для осуществления этого надо свободно писать обо всем, писать в желаемой писателем форме. Больше доверия к себе самому и доверия к критике!

Надо убит страх, неверие, талтуру. Вот самая верная ориентация, вот наш литературный путь.

Отрицательный герой. Пусть отрицательный герой воюет, сколько ему хочется, и пусть он потерпит поражение, столкнувшись с внешним сопротивлением положительных сил. Но лучше всего он будет наказан, если будет разоблачен самим собой, саморазоблачен внутренне. Какие бы впечатления остались, если бы он подвергся физическому наказанию на сцене?

Сатира. «Без «гнева» писать о вреде — значит, скудно писать» (Ленин). Да! Вредно должно вызывать гнев. Намешка — злая вещь, она заключает в себе ненависть, она обижает. Она всегда тит в себе шип.

Сатирическое произведение имеет определенную принципиальную связь с карикатурой. В последней имеются преувеличения, неестественные пропорции между частями, неуместные формы, что в большей или меньшей степени меняет, искажает сюжет. Сатирическое произведение тоже имеет много от карикатуры, это ему «разрешается» специфические литературно-жанровые принципы.

Теперь о сатирическом типе. Автор не освещает его восторженно, хорошо и плохо. Он «одушевляет», ступает краски, доходит до односторонности, преувеличения.

(Окончание на 3-й стр.)

МНЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

В связи с предстоящими выборами в местные Советы наши корреспонденты обратились к избирателям, живущим в разных местностях страны, с просьбой ответить на два следующих вопроса:

— Довольны ли вы деятельностью своих депутатов?

— Что надо сделать, чтобы улучшить их работу?

Ниже печатаем ответы, полученные нашим корреспондентом в Ленинграде.

В агитпунктах в эти дни собирается много народа, особенно по вечерам. Разговор, о котором будет рассказано ниже, как раз и состоялся в агитпункте, что помещается в доме № 48 по Среднему проспекту Васильевского острова.

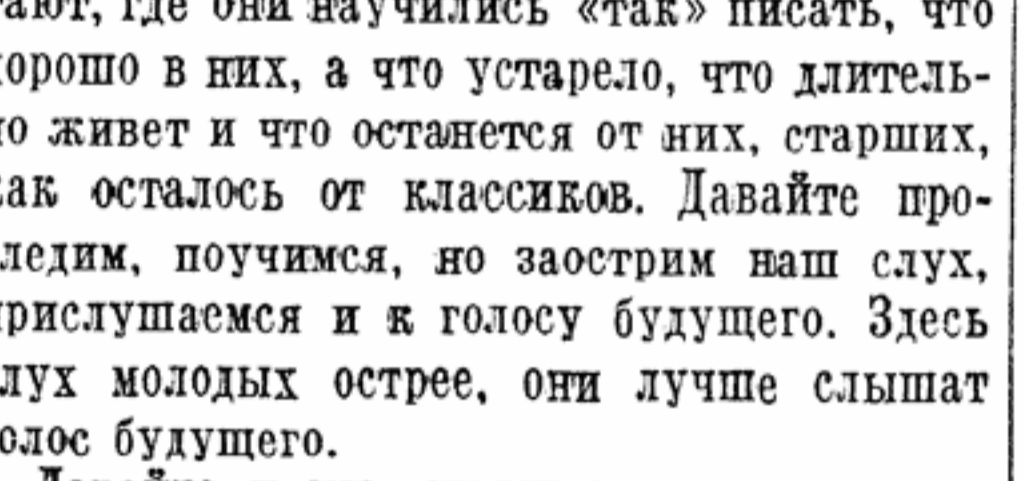
Это старый, тесно застроенный район Ленинграда с множеством научных и учебных заведений, крупных и мелких предприятий. В двух кварталах от агитпункта находится табачная фабрика имени Урицкого — родина «Беломора». Не удивительно, что среди моих собеседников находились и работники табачной фабрики.

Все участники нашей беседы были знакомы с предложениями избирателей других городов, напечатанными в предыдущих номерах «Литературной газеты». Им особенно по душе пришлась мысль одной из костромских избирательниц, что депутаты в местный Совет следовало бы избирать тех, кто живет в одном районе со своими избирателями. Впрочем, расскажу по порядку.

Первое слово взял Иван Васильевич Соколов, доцент Высшего инженерного морского училища имени адмирала С. О. Макарова, — здешний старожил, человек, весьма уважаемый за свою общественную активность.

— На первый вопрос анкеты отвечаю так: да и нет! — сказал он. — Сейчас поспоню. Я довольно близко знаю работу депутатов Васильевского районного Совета. Вот мой одноклассник Сергей Сергеевич Соколов, инженер из Института огнеупоров, — депутат необычайно добросовестный, напористый, настойчивый; и с председателем исполкома, если нужно, крупно поговорит, и на сессии райсовета выступит. Хорошо отзываются у нас и о депутате горсовета художнике Юрии Михайловиче Непринцеве. А вот есть депутат Марья Васильевна К. — не буду уж называть ее фамилию! Она и добросовестна, и аккуратна, и своих приемных часов не пропускает, и к посетителям внимательна. А большим уважением у избирателей не пользуется — не умеет на своем настаивать!

Вот и ответ на вопрос: как можно улучшить депутатскую работу? Тут я присоединяюсь к предложениям, опубликованным в вашей газете, — нужно более тщательно подходить к выдвижению кандидатов в депутаты местных Советов.

Иван Васильевич Соколов

— А можно мне затронуть вопрос, который не упомянут в вашей анкете? — спросила Вера Георгиевна Петрова, инженер-нормировщик фабрики имени Урицкого. — Я хочу поговорить о доверенных лицах и агитаторах. Мне самой приходилось быть доверенным лицом, и скажу прямо: иногда нам приходится агитировать за кандидата, зная о нем только то, что изложено в короткой биографии; бывает, что даже лично не знакомы с ним.

И еще. Выборы прошли, кандидат избран и приступает к исполнению своих депутатских обязанностей, доверенные лица и агитаторы, как говорится, расходуют по домам до следующих выборов. Мне думается, это неправильно — ведь как раз они должны стать опорой депутату, его активными помощниками. Почему бы депутату не собрать их просто на чашку чая и не посоветоваться о местных нуждах, о том, с чего начать свою деятельность, это облегчило бы работу депутата, особенно на первых порах, а во-вторых, таким путем была бы обеспечена к постоянной общественной деятельности большая группа людей.

— Если говорить об улучшении работы депутатов, то я предлагаю бы вот что: ввести обязательные календарные сроки отчетов перед избирателями, — сказал преподаватель технического училища Владимир Николаевич Соколов. — Надо узаконить такой порядок: каждый депутат, скажем, раз в квартал обязан выступить перед избирателями и не только информировать о работе всего районного или городского Совета, но в первую очередь рассказать, что им лично сделано по депутатской линии. Такие отчеты надо хорошо организовать, заранее оповещать избирателей, чтобы любой из избирателей мог прийти и получить ответ на любой вопрос, касающийся работы местного Совета. Не отчитался депутат в срок, — это уже надо рассматривать как чрезвычайное происшествие.

Еще одно предложение сделал военный моряк Иван Иванович Стаханов. Он считает, что необходимо издать закон, по которому по требованию определенного количества избирателей сессия райсовета обязана рассмотреть вопрос об отзыве плохо работающего депутата...

...Таковы предложения избирателей Васильевского.

А. ПОЛОВНИКОВ, собственный корреспондент «Литературной газеты» ЛЕНИНГРАД

ДОНЕЦКИЕ ПИСАТЕЛИ В МОСКВЕ

На днях в Союзе писателей СССР под председательством Г. Маркова состоялось обсуждение книг донецких литераторов.

Ответственный секретарь Донецкого отделения Союза писателей Украины П. Байдебура представил собравшимся гостям из Донбасса. Наибольшее внимание участники обсуждения уделили альманаху «Литературный Донбасс».

— Альманах — это лицо писательской организации, — сказал В. Галин. — Донецкий край выдвинул немало писателей, прочно вошедших в советскую литературу. По талантливым книгам В. Горбатова, П. Нилина, В. Попова и других мы знаем Донбасс 30-х годов, Донбасс военных и Донбасс периода восстановления, но сегодняшний Донбасс представлен в литературе слабее. Основной недостаток альманаха в том, что он не ставит острых проблем современности. Редкое исключение — интересные боевые очерки Л. Черкашиной «Давайте подумаем вместе».

По мнению В. Галина, к участию в альманахе надо привлечь деятелей культуры, ученых, партийных работников.

Выступающие говорили о трудностях, стоящих перед редакцией альманаха: он в основном пишется силами энтузиастов, так как штатных должностей не предусмотрено. Возникла мысль о том, что Донбасс необходим уже не альманаху, а журналу. Потребность в нем назрела. Д. Осин, К. Ваньшин, М. Светлов, П. Желанов, М. Мусиев остановились на стихах, опубликованных в альманахе и вышедших отдельными изданиями. Они указывали на низкое во многих случаях качество редактуры, на недостаточную тщательность и поэтов, и редакторов. Серьезно были обсуждены поэмы В. Труханова «Да здравствует солнце!» и В. Шутова «Уголек». Л. Жариков дал высокую оценку новой поэме Павла Беспощадного «Дружинки».

О работе донецкой организации, о приходе новых талантов, об активной работе большинства писателей говорил И. Карабуженко. Он критиковал издательство «Советский писатель» за медлительность в выпуске книг донецких писателей. И. Карабуженко внес, в частности, предложение выступить в Москве интересную приключенческую повесть Г. Володина «Черные земли».

Н. Асанов и Д. Еремин проанализировали рукописи сборника военных рассказов Л. Черкашиной, А. Кузнецова и С. Баруздина одобительно отозвались о книге молодого прозаика А. Чепникова «Восход». Обсуждали и две литературоведческие работы: «Борис Горбатов» Ал. Ионова и «Павел Беспощадный» А. Ключки.

Сответственным словом выступили А. Ключки, Ал. Ионов, П. Черкашина, В. Шутов, В. Соколов и П. Байдебура.

Группа писателей из Донбасса (слева направо: А. Чепников, Ал. Ионов, Г. Володин, П. Байдебура, В. Труханов и В. Шутов. Фото А. Ляпина)

МЫСЛИ О ЛИТЕРАТУРЕ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Между тем, чтобы все (люди или события) были прованы, ва действительно возможно, необходимо, чтобы рисунком автором было типичным. По сатирике следует представлять тип не обычно и среднее, а в крайностях.

Таким образом, сатира пристрастна и логическая и неизбежно — «односторонна».

Тенденция в искусстве — чрезмерная многосторонность умерщвляет эмоциональность, умерщвляет своей рассудочностью.

Откуда появляется рассудочность? Из «критицизма», от погони за утилитарными целями, из заботы об отказе все запланировать. Так появляются в произведении тенденции вульгарного утилитаризма и грубого социологизма. Старые писатели писали только так, как видели сами. И именно потому, что они писали только так, они были и стали называться талантливыми и гениальными писателями. Была ли тенденция в их произведениях? Безусловно, была. И не могла не быть. Но их тенденция не была похожа на ту, о которой шла речь выше. Это была тенденция естественная, которая сама писателем не ощущалась как нечто ему постороннее. Это была тенденция постольку, поскольку в природе во всем имеется тенденция, так же как и сама жизнь является тенденцией, и нет ничего, что не имело бы тенденции... Извините меня за этот высокий стиль.

Такая тенденция придает произведению художественную убедительность. Вот такими тенденционными писателями должны быть и мы. О чем бы мы ни писали, мы должны быть социалистическими писателями.

О познании жизни в литературе — Слова «познание жизни» — потребность в таком познании справедливо выдвигается перед литераторами — имеют два смысла. Один: познать, знать, что представляет собой данное явление. В этом случае составитель, образовать простое понятие о данном предмете — уже и есть подлинная цель самого познания, самого описания. По этой именно причине научные и публицистические произведения не нуждаются в художественных формах, стиле, языке, образе. Другое — это чувствовать, переживать. В этом случае необходимо раскрыть впечатление через стиль и образ. В этом случае лучше один раз видеть, чем сто раз слышать об одном и том же; слышать — это «теория», а видеть — «практика». Слышать описание чужого лица и видеть его — разные вещи.

Нельзя пересказать музыкальную игру, чей-то голос, рассказать о каком-то здании, памятнике, спектакле. Надо видеть и слышать. Мысль — это одно, образ — другое. Литература не рисует, не занимается архитектурой, не играет, не поет в собственном смысле слова. Но надо писать так, как если бы ты все это слышал и видел.

Поэт любит передавать живое впечатление от живой жизни. Армянский поэт А. Песакин говорит, например, что уставшее море с пеной у рта, упавшая на берег, задыхается.

Что волны ударяются о берег и шумят — это «серьезное и важное» наблюдение обезличено. Но «точность» здесь цены не имеет. Поэту нужно было эту «точность» представить как живой образ. Когда человека представляешь нам анатомически, мы с интересом изучаем его физиологию. Но литература любит показывать душу человека, его мысли, переживания, его «живую анатомию».

Литературные жанры — Повесть — это особая форма, которая возникла по своеобразной потребности, это интересное, интригующее, чрезвычайное событие, которое оканчивается неожиданным финалом — финалом, который удивляет своей неожиданностью или остроумно вытекает из кажущейся неожиданности.

Эти обстоятельства были в последующем забыты, и теперь каждый простой, короткий рассказ считается новеллой, что неверно.

Вообще следует строго разграничить также роман, повесть и рассказ. Роман создается тогда, когда требуется углубить, широко осветить тысячи уголков данной среды: социальный, политический, психологический и т. д. Повесть — это произведение, освещающее более ограниченные стороны жизни. Рассказ — еще более мелкие стороны, а новелла — один какой-нибудь эпизод. Но все это нельзя рассматривать механически, как только количественные категории. Новелла не есть краткий рассказ, она, наоборот, может быть больше. Произведения других жанров также могут быть несколько больше или меньше. Их объем определяется не столько количественной, сколько качественной особенностью. Говоря строго, ни один из них не может стать другим. Роман нельзя превратить в повесть. Рассказ не превратится в новеллу, как бы ни казалось, что этого можно достичь.

О социалистическом реализме — Я могу засвидетельствовать, что молодые армянские писатели в большинстве своем усвоили основное и необходимое в социалистическом реализме.

Описанная ими жизнь — это современность, социалистическое строительство, новый человек. Надо осмысливать явления новой жизни, факты, людей, каждую деталь будней в их философском содержании — в движении, в связях со всей движущейся жизнью, всей социалистической действительностью. Типичность в литературе социалистического реализма основательно отличается от типичности в классическом реализме. Раньше — как было в духе классического реализма — типическая личность ничего не меняла в своей действительности. Дух социалистического реализма иной. Действительность изменяется под воздействием типов («героев»), и сам тип тоже меняется вместе с созданной им же действительностью.

Большая тема, надолго определяющая творческое лицо художника, никогда не бывает неожиданным открытием, и С. Орлова на пути к таким темам ожидали не только поэты. Не все поиски шли в верном направлении, не все удавалось (знаю выражение был, например, цикл стихов о пограничной заставе — поэт добросовестно описал то, что видел, не испытывая подлинного волнения), да и ныне не все ему удается.

Постепенно в поэзии С. Орлова выкристаллизуются две связанные между собой ведущие темы. Одна из них — милая сердцу поэта природа светлого русского Севера. Вторая — городок районный, «на карты на все нанесенный, вовсе не знаменитый», где живут «люди незаметных биографий, люди всем известной биографии». Здесь поэт в своей стихии, здесь все близко его душе. В стихах С. Орлова вновь всплывает тот жаркий кустер чувств, который освещал изнутри его фронтную поэзию. Нет, это не патетика, которая была свойственна военным стихам С. Орлова: уже иные чувства владеют поэтом. Но новые темы возникли не в пустоте, а как продолжение, развитие прежних. Разве матросы и плотники, шоферы и плотники, механики и учителя из «застарянного в просторах городка» не срываются кустами солдатом, весь мир прошедшим в огне? Не велел ли за своим гербом — рыцарем солдатом без званий и награды отправился поэт в маленький зеленый городок? И оказалось, что «тихая провинция» — вовсе не сонное, забытое миром захолустье, там, где живут люди большой души, не молчат работа, вершатся немалые дела: и выходит так, что нарване Славой мы с большими городами.

Пейзажные стихи С. Орлова родились из самолюбивой любви к родному краю, из присущего поэту стремления воссоздать живую, переливающуюся «краску вчерашнего» окружающего мира. «Средок, словно патетички лету, из серебра и бронзы отлиты», — пишет поэт, и перед нами картина угадывающего лета. Как много может открыться одна зорко подмеченная деталь! «Стекло с веснушками дождя!» — это ослепительно сияющий день, когда еще не успели прохрустеть капли шедшего легкого дождя, отражающие веселые золотые лучи солнца. Но дело не просто в этих счастливых находках. Куда важнее, что в лучших стихотворениях поэту удается запечатлеть редкий миг радостного и гармоничного общения человека с природой, когда все вокруг предстает в новом свете — простецким, мудрым, значительным: Облако за месяц зацепилось, За рекой кричали поэды. Ничего такого не случилось. Только грусть пропала без следа. Просто захотелось оглянуться. Постоять у моста, у воды. До неба тростников дотянуться, Прикурить шаргару от звезды, Услышать травы прозрастанье, Трещет заплотуночных планет

РАЗДУМЬЯ НА ВЫСТАВКЕ

Борис ПОЛЕВОН

Однажды довелось мне послать своим друзьям, иностранным литераторам, новгородские открытки. С этим жанром изобразительной продукции нам как-то особенно не везет. И чтобы не экспортировать допотопных дедов-морозов, благостных, завитых и румяных школьничков, наскоро переделанных из дореволюционных ангелочков, и заезженную Спасскую башню, вокруг которой уже не первый десяток лет кормится по праздникам целая плеяда бойких художников, я взял веселые иллюстрации к детским сказкам, среди которых было целое семейство забавных зверюшек художника Евгения Рачева.

На новгородные поздравления не принято отвечать. И каково было мое изумление, когда на этот раз из разных стран было получено несколько и не совсем обычных ответов. Немецкий писатель, человек, разбирающийся в искусстве, писал среди прочего: «...И еще хотелось бы, предвидительно передав вам тысячу извинений, обременить вас просьбой. Мне очень понравились маленькие Мышки на вашей открытке. Там написано, что это иллюстрация из какой-то сказки. Не могли бы вы мне послать книжку или книжки с иллюстрациями этого художника?»

Из Индии — этой страны необыкновенно самобытного искусства — писатель, кинодраматург, человек жизнерадостный, написал: «...Мы с женой вдоволь пошумели над изображениями зверей. Представьте, я знаю человека, который очень похож на хитрую лисицу и другого человека, похожего на маленького медвежонка».

Наконец, с противоположного конца света, из Дании, от писателя-сатирика, тонко понимающего юмор, пришел запрос: нельзя ли прислать еще таких зверюшек? «...Вы думаете, для моих детей? Нет, для меня. Они мне очень понравились. Кто этот Рачев? Нет ли серии таких открыток или альбома с ними?»

Так три писателя, живущие в разных концах земли, люди, не похожие друг на друга ни своими вкусами, ни своим мнением, не связанные общей традицией, представлений об искусстве, совершенно неожиданно так живо и так активно, а главное, так единодушно откликнулись на искусство советского художника, представившее перед ними на маленьком, застывшем в куске тонкого картона.

Этот случай, совсем было затерявшийся в памяти, как-то очень ярко вдруг вспомнился, когда я попал на выставку работ Евгения Рачева, открытую к 50-летию со дня рождения художника. Одно дело — просмотреть рисунки, безликая иллюстрированная ими книжка, или увидеть их на открытке, не всегда к тому же хорошо отпечатанной. Другое дело — видеть их в подлиннике, сериями, наблюдая, переходя из зала в зал, раз и совершенно по-новому, становление его таланта, углубление замысла, постепенное постижение им искусства обобщать.

Когда я получил год назад три письма, которые я процитировал, признаюсь, они мне очень понравились. Теперь стало ясно, что мои коллеги просто оказались более проникновенными. Они по одному единственному рисунку сумели угадать самобытный, оригинальный и, насколько я знаю, ни на кого не похожий талант мастера, заметить который на выставке не составляло уже никакого труда.

Евгений Рачев — художник-анималист. По анималисту совсем особого рода. По его наброскам и беглым зарисовкам, представленным на выставке, видно, какой у него зоркий глаз, как точен карандаш, как метко умеет он схватить облик зверей, птиц, домашних животных в самых неожиданных, иногда рискованных, но всегда точно и верно запечатленных поворотах. По этим зарисовкам и немногочисленным пейзажам видно, что он тонкий знаток родной природы.

Но рисунки зверей, пейзажи — все это у него не самоцель. Это — накопление ма-

териала, это — лишь добротное сырье, из которого он, мастер, со строгим, последующим отбором будет делать вещи, и лишь в этих вещах проявится со всей силой его веселое, жизнеутверждающее искусство.

Характерной чертой творчества Рачева является поразительное умение заставить мир зверей как бы зажить человеческой жизнью. И эта — если, конечно, позволено характеризовать литературные переносы в сферу изобразительного искусства — эта «блестящая» черта выводит лучшие работы Рачева к самому Крылову, ибо в них он мастер большой и совершенно оригинальный.

Мне приходилось дома наблюдать, как мой ребенок разглядывал книжки с живыми, теплыми, веселыми рачевскими иллюстрациями. Сначала просматривал иллюстрации, потом прочтут текст, потом снова листают книгу, теперь уже подолгу разглядывая каждый рисунок, обсуждая взаимоотношения и характеристики персонажей. И в этом — тоже характерное в творчестве Рачева. Вот венгерская народная сказка «Два жадных медвежонка». Мой друг — индийский писатель не читал ее. Но он, оказывается, знает там у себя, в Индии, человека, да еще мужчину, похожего на лису, изображенную на открытке. Это значит, что художник, оттолкнувшись от сказки, как от трамплина, создал образ, который заложил самостоятельную жизнь и существует уже без текста, зачатого его.

Очень хороши эти иллюстрации к русским, украинским, венгерским сказкам, хорошие своей народностью, красиво и поэтично выраженной, своей живой, брызжащей жизнерадостностью, своим лукавым и мягким юмором, всегда свойственным подлинно народным произведениям.

Но вершины своего творчества художник, как мне кажется, достиг на этом этапе в иллюстрациях к сказкам Салтыкова-Щедрина. Тут уже нет мягкого юмора. Тут он сатирик — гневный, обличающий, бичующий. Многие художники брались за иллюстрирование могучих щедриных сатириков. Много творческих удач уже принесла щедриновская тема. Удача Рачева кажется мне среди них одной из самых ярких. Здесь его звери разоблачают мерзостный, зверный мир царской России. И снова каждая иллюстрация живет уже самостоятельной жизнью. Можно не читать литературного оригинала, представить себе, что такое Премудрый пискарь, Дикая поемница и о чем говорится на листе, изображающем Бонапа, окруженного Пустоплосами. Иллюстрация к сказкам Салтыкова-Щедрина — это уже несомненный и оригинальный вклад в советское искусство, искусство самобытное, искусство разных творческих манер, объединенное социалистическим взглядом художника на мир, вдохновенное и озабоченное желанием служить Родине, участвовать в великом деле воспитания коммунистического сознания.

Подходя к выставке, порадовавшись удачам этого своеобразного и самобытного мастера, испытываешь естественное желание приобрести на память хорошую репродукцию, которую можно было бы повесить на стену. Но тут у kiosка жмет разочарование. Кроме нескольких старых открыток, которые я уже год назад разослал своим знакомым, да двух-трех репродукций отнюдь не лучших рисунков, ничего, оказывается, нет. И здесь, пользуясь случаем и поводом, хочется излить досаду на наши организации, ведающие тиражированием художественных произведений, — на Издизис, «Советский художник» и всецелые промартелы, на которые возложена почетная миссия нести лучшие образцы советского искусства в массы, в рабочие квартиры, колхозные избы, в номера гостиных, в залы ожидания, в дома отдыха, санатории.

Не знаю уж почему именно, но многие, в том числе и все известные искусствоведы наши, до самого недавнего времени, по-моему, разуму вопреки, считали настоящим, первостепенным, заслуживающим серьезного внимания и популяризации искусством лишь станковую живопись, которая будто бы одна может запечатлеть величие дел нашей эпохи. Но ведь есть такие прекрасные традиционные боевые жанры, как рисунок, гравюра, офорт, литография, жанры, позволяющие мастеру быстро, художественно полноценно, без всяких сиюминутных оперативных откликов на все самое важное, что происходит в стране, что радует и волнует народ. Эти жанры, помогающие трудящимся иметь у себя на квартире и видеть в любом общественном здании не скороспелый отпечаток или базарную копию, а подлинный или, по крайней мере, отличнейший от подлинника авторский отпечаток, к сожалению, были отодвинуты даже не на второй, а на третий план. Советское искусство имеет чудесных и многообразных рисовальщиков, отличных мастеров, отличных мастеров астамы, тонких литографов, даво же отличнейших мастеров гравюры, но произведения их мало тиражировались, на них не сосредоточивалось внимание общественности. Эти жанры были обречены на камерность и, будучи по природе своей искусством для самых широких масс, начали становиться искусством для знатоков.

Зато отвратительные базарные копии, вульгаризирующие и опошляющие самое понятие о великих мастерах, можно видеть в бесчисленном количестве. Держу пари, что нет районного центра, где бы не висели отвратительные пародии на шикшиновское «Тро в сосновом лесу» или «Охотники на привале» Перова. Бессовестные копистов никто не контролирует. Я видел в одной из гостиных знаменитую «Незнакомку» Крамского, восседающую в своем роскошном ладо на фоне... гостиной «Москва», я видел шикарных мишек, но уже не в сосновом лесу, а в... зоопарке. И никому в голову не при-

Иллюстрация к сказкам Салтыкова-Щедрина

шло привлечь к ответу тех, кто калечат и насилуют классиков, и тех, кто потворствует этому, закупая по дешевке эту халтуру для общественных учреждений.

Всей художественной общественности такие факты хорошо известны. Но никто это пока что, увы, не побеспокоило. А что сделали Оргкомитет Союза советских художников и его органы на местах для того, чтобы взять под свой общественный контроль тиражирование и копирование картин, изготовление так называемых «авторских повторений», которые иные бойкие мастера превратили в своеобразный отстойник промисла? Увы, на пути халтуры не воздвигнуто сколько-нибудь ощутимых общественных контрольно-наблюдательных органов. Пройдите в любой столичный магазин культуроваров, и вы найдете там множество плохих копий с хороших картин, да к тому же копий безобразных, оскотелых, вправленных в медальоны и в пластмассовые рамки. Почему это засилье халтуры не беспокоит художественную общественность?

С год назад в гостинице одного из наших аэропортов, являющегося западными воротами Советского Союза, мы, возвращаясь из-за границы, увидели на стене номера жалкий лубок, вправленный в толстую золотую купеческую раму. На нем был изображен некий, по-видимому, мучниый жестоким похмельем субъект, который, кутаясь в барскую шубу, ехал куда-то на развалин-тройке, нарисованной в самых забубенных тонах. Мы решили, что это какой-то порочный иллюстрированный мещанский лубок, сделанный на тему «достокого» романа «Гай да тройка, снег пушистый...», случайно, по невежеству захвоза, попал в стены хорошей, новой международной гостиницы. Посоветовали директору поскорее его спрятать, чтобы не создавать у пассажира превратного представления о советском искусстве.

— Как убрать! — вскричал директор, — это же голговетская тройка, это же сам Гоголь едет. Репродукция картины названа в Москве к голговетскому юбилею. А вы говорите — «галост»!

Мы смотрели с недоумением. Как? Это значит, что «Русь-Тройка»? Этот мучниый похмельем барчук — Гоголь? Чуть. Не может быть.

Тогда директор снял репродукцию, и на обратной стороне было написано, что это действительно «Тройка», что автор произведения А. Герасимов и что выпущена эта репродукция действительно в Москве издательством «Советский художник» тиражом в 50.000 экземпляров. Что было ответить? И что можно спросить с базарных ремесленников-копистов, если именитый советский художник позволяет репродуцировать такие свои произведения, а издатели, по соображениям непонятным, печатают их для масс в таком тираже? Тиражом в 50.000 тем же издательством выпущена репродукция с картины А. Лактинова «В новую квартиру», этого странного произведения, которое если и можно рассматривать всерьез, то разве лишь как злую пародию на наше искусство.

А между тем, возвращаясь к выставке Евгения Рачева, я думаю о том, как бы было хорошо, если бы лучшие из этих его красивых, жизнерадостных, умных рисунков репродуцировались в цвете в натуральную величину. Как украсили бы они стены детских садов, как хорошо выглядели бы над детскими кроватками в квартирах труженников! Да и взрослым с удовольствием бы приобрел для себя, скажем, серию иллюстраций к щедриным сказкам. И разве худо было бы сделать по этим рисункам веселые, шуточные вставки?

Как было бы здорово, если бы попросили лучших наших гравюров — Фаворского, Пикова, Гончарова, Маторина и других сделать серии гравюр, посвященных красотам и достопримечательностям наших советских городов, наших республик, и продавать эти гравюры в скромных тонких рамках для украшения жилищ, общественных зданий, фойе театров и кино, библиотек, железнодорожных вагонов.

Думается, что за все это советский человек сказал бы спасибо.

